

ЕГОР СТАРЦЕВ

Егор Старцев

Эреборий

«Литнет»

2026

Старцев Е.

Эреборий / Е. Старцев — «Литнет», 2026

Что, если твоё горе может изменить законы мироздания? Королевство
Валтаир содрогается от странных исчезновений. Сначала пропадают бродяги,
потом целые деревни. Те, кто идут на поиски, не возвращаются. Говорят, в
глубине леса вырос Дворец из Костей, скреплённых чёрной смолой времени.
А в нём правит некто, в чьих глазах — тяжесть тысячелетий, а в груди —
осколок Вечного Серебра.

© Старцев Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Механизм мира	6
Глава 2: Тиканье песка	11
Глава 3: Кратер Вечного Молчания	28
Глава 4: Остановившиеся часы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Эта жизнь дала многое понять Эрасту, было столько событий, что даже он, не мог выстоять против своей воли. Смерть родителей, обвинение в воровстве. Но за что его могли обвинить? Он ведь и правда тогда у купца ничего не забирал. Медяки оставил на его прилавке и забрал товар. Куда они пропали потом, он не мог знать, все время думал, что его оклеветали.

Больше он об этом думал, когда находился за решёткой. Но стражники твердили одно "Плохо придётся часовщику без рук, как мы эти часики будем делать без пальчиков? А как мы свои любимые карты будем вырисовывать?". Слова этих никчёмных, остались в голове Эраста. Но больше волновал один вопрос, как после этого, к нему будет относиться его Лина.

Ах, любимая Лина... он души в ней не чаял. Такой любви, этот свет никогда не видел. Настолько сильна была его любовь, что неоднократно подвергался избиениям по молодости, пока ждал ее с гильдии.

Задержался в темнице он не на долго, уже через три дня его выпустили, и камеру сразу занял другой. Всё-таки смогли найти того, кто украл медяки. Обычный бездомный попался на краже в этом же рынке, соседний купец, что торговал часами, которые ему давал Эраст подтвердил, что этот болван ворует часто, но удавалось скрыться, но не в этот раз. Побег обернулся неудачей, за поворотом он увидел как стражники отбирали последние гроши у такого же как он. Ведь кто скажет, что у бездомных есть деньги? Откуда?

Его сразу поймали и закинули в темницу.

Чудесный день. Подумал Эраст, возвращаясь домой к супруге.

Она встретила его тёплыми объятиями, для неё это показалось вечностью. Ещё так долго, они не находились в разлуке, с момента как стали жить вместе.

— Я тебя так ждала. — Со слезами на глазах сказала Лина. — боялась, что они тебя не выпустят, что они сделают столько глупостей... Ты не представляешь, что тут было. Они перевернулись ведь дом... — Она шептала ему на ухо, как ей было страшно, так и не выпустив его из объятий.

— Я снова дома. Боялся, что ты уйдёшь от меня, почему осталась? Все теперь думают, что я вор, как мне продолжать жить? Кто захочет снова вести со мной дела? Даже не смогу нас прокормить.

— Не переживай, все уже знают, что ты не виноват.

— Я надеюсь, что больше, у нас не возникнет такой проблемы. Пожалуй, стоит расплачиваться на руки.

Лёгкая улыбка Эраста оживила Лину, и они пошли готовиться к вечернему ужину.

Глава 1: Механизм мира

Три года до Утёса. Год 1649-й, месяц апрель, день шестнадцатый.

Из мастерской доносился легкий стук молотка. Она пахла латунной стружкой и сандаловым маслом. Запах въелся в стены за тридцать лет — столько, сколько Эраст Хронос провёл здесь, склоняясь над механизмами тоньше паутины.

Часы на стене показывали половину седьмого утра. Тикали размеренно, без спешки. Эраст собрал эти часы в первый год после свадьбы — подарок самому себе. Корпус из ореха, циферблат латунный, стрелки вороненой стали. Ничего лишнего. Механизм показывал время — и этого было достаточно.

Сейчас часовщик сидел за рабочим столом, разглядывая россыпь шестерёнок. Карманные часы лорда Бремина лежали вскрытые, обнажив медное нутро. Заказ пришёл неделю назад — курьер в ливрее, запечатанный футляр, записка: «Говорят, вы лучший. Докажите».

Эраст доказывал.

Анкерное колесо требовало замены — зубья сточились неравномерно, ход сбивался. Пружина растянулась, потеряла упругость. Три подшипника износились до люфта. Работы на два дня, если торопиться. На четыре, если делать правильно.

Эраст никогда не торопился.

Пинцет подцепил крохотную шестерёнку — диаметр три миллиметра, восемь зубьев. Под лупой видна каждая царапина, каждая неровность. Деталь прослужила лет двадцать, судя по износу. Хорошая работа. Мастер знал своё дело.

Теперь мастер мертв, а часы требуют ремонта.

Так всегда.

Лестница наверху скрипнула. Лёгкие шаги по ступеням.

Эраст не обернулся — знал походку. Лина спускалась медленно, осторожно. Держалась за перила. Полгода назад сбегала по этой лестнице, смеясь, две ступени за раз. Теперь каждый шаг давался усилием.

Жена появилась в дверях мастерской — в светлом платье, волосы заплетены в косу. Худая. Слишком худая. Скулы обозначились резко, ключицы выступили под кожей. Глаза запали.

Но улыбалась.

— Доброе утро, маэстро.

— Доброе, — Эраст отложил пинцет. — Как спалось?

— Хорошо. Почти не кашляла.

Ложь. Эраст слышал сквозь потолочные доски — сухой, надрывный кашель начался около трёх ночи. Длился с перерывами до пяти. Потом стих.

Спорить не стал.

Лина подошла к столу, опёрлась ладонями о столешницу. Пальцы дрожали — едва заметно, но дрожали.

— Это те самые? Лорда Бремина?

— Те самые.

— Сложные?

— Средней сложности. Износ естественный, без поломок. Замена деталей, регулировка.

Три дня работы.

— Значит, закончишь послезавтра.

— Если не отвлекаться, то возможно даже раньше. - С улыбкой сказал Эраст.

Лина рассмеялась — тихо, чуть хрипло. Кашлянула в ладонь. Отвернулась, но Эраст успел увидеть: на коже остались розоватые капли.

Кровь.

Опять.

— Завтрак готов, — сказала жена, будто ничего не произошло. — Каша, яйца, хлеб свежий. Поешь сейчас или после?

— Я пока не голодный, поем позднее

— Как обычно или опять обманешь меня и забудешь?

Эраст вздохнул. — Постараюсь не забыть.

— Так и знала. — Лина взяла со стола пустую кружку — вчерашний чай, давно остывший. — Принесу тебе поднос. Но вечером — ужин наверху, за столом, вместе. Договорились?

— Договорились.

Жена развернулась к выходу. Пошла к лестнице. Медленно. Держась за стену.

Эраст смотрел ей вслед.

Временная линия вокруг Лины мерцала тускло — тонкая, рваная по краям. Три месяца назад светилась ярким золотом, тянулась в будущее на десятилетия. Сейчас едва доходила до горизонта.

Чахотка пожирала жену изнутри. Медленно. Методично. Безостановочно.

Эраст отвёл взгляд, уставился на россыпь шестерёнок. Часы можно починить. Заменить сломанную деталь, отрегулировать механизм, вернуть к жизни. Всё чинится, если знать устройство. Если понимать принцип. Человека починить нельзя. Доктора пожимали плечами. Травники качали головами. Священники предлагали молитвы. Никто не предлагал решений.

Эраст взял пинцет, вернулся к работе. Металл под лупой увеличивался, обретал рельеф. Царапины превращались в овраги, сколы — в пропасти. Эраст видел каждую неровность, каждый дефект. Видел и исправлял. Так проще. Работать. Чинить механизмы. Не думать.

Два часа пролетели незаметно.

Лина вернулась с подносом — каша овсяная с мёдом, два варёных яйца, ломоть чёрного хлеба, кружка молока. Поставила рядом с часами, осторожно, чтобы не задеть детали.

— Ешь, пока тёплое.

— Поем.

— Сейчас?

— После этой детали.

Лина цокнула языком, но не стала спорить. Села на табурет у окна — тот самый, где Эраст обычно отдыхал между заказами. Откинулась на спинку, закрыла глаза. Солнце било в окно, окрашивая лицо жены золотистым светом.

Красивая. До сих пор красивая — несмотря на худобу, запавшие глаза, бледность. Линии лица остались прежними. Изгиб губ. Форма скул. То, что не стирается болезнью. Эраст смотрел украдкой, делая вид, что сосредоточен на работе. Лина дремала. Дыхание ровное, спокойное. Грудь поднималась и опускалась под тканью платья — медленно, без надрыва.

Хорошо.

Эраст доел кашу — холодную, слипшуюся, но сладкую. Съел яйца, запил молоком. Хлеб оставил — не лез. Жена так и сидела у окна, неподвижная. Заснула по-настоящему. Эраст встал, подошёл. Накинул на плечи Лины шаль — лёгкую, шерстяную, сотканную ещё её матерью. Жена дёрнулась, приоткрыла глаза.

— Я не сплю, — пробормотала. — Просто решила немного отдохнуть

— Знаю.

— Правда не сплю.

— Верю.

— Ты в последнее время немногословен, не хочешь общаться как раньше?

Эраст не знал, что ответить, он только отвернулся и набрал в грудь воздуха, пытаясь сказать ей, что он переживает, но увидел, что она уже закрыла глаза. Не хотя ее беспокоить, вернулся к столу за работу.

Работа шла медленно — руки словно налились свинцом. Пинцет то и дело выскальзывал из пальцев. Шестерёнки не хотели вставать на место. Дважды ронял детали на пол, полчаса искал под столом.

Концентрация рассыпалась. Мысли возвращались к Лине. К временной линии, истончающейся с каждым днём. К кашлю по ночам. К крови на платке. К неизбежности.

Эраст стиснул зубы. Заставил себя сосредоточиться. Анкерное колесо. Восемь зубьев. Угол заточки тридцать градусов. Резец скользнул по заготовке, снимая тончайшую стружку. Металл поддавался неохотно — латунь старая, свойства изменились. Приходилось чувствовать каждый проход.

Час работы. Два. Три.

К полудню колесо было готово.

Эраст установил деталь в механизм, закрыл крышку. Завёл пружину.

Тик.

Так.

Тик.

Ровный ход. Без сбоя. Часы лорда ожили.

Эраст откинулся на спинку табурета, потёр затёкшую шею. Лина всё ещё спала у окна, укутанная в шаль. Дышала тихо.

На столе, рядом с вычищенными часами, лежала стопка карт — незаконченный заказ от Королевской академии. Северо-восточная провинция, граница с Дикими землями. Срок сдачи через две недели. Эраст развернул верхний лист. Карандашный набросок, едва различимый. Основа была, детали требовали проработки.

Взял перо, обмакнул в чернила. Линия за линией. Изгиб реки Северной. Гряда Волчьих холмов. Тракт Старого короля. Рука двигалась сама. Мозг отключился, инстинкт взял управление. Эраст не думал — руки сами творили. Карта рождалась.

Час. Два. Три.

Солнце сместилось, тени в мастерской удлинились. Лина проснулась, потянулась, встала.

— Который час?

— Четвёртый.

— Уже? — жена подошла, заглянула через плечо. — Красиво. Это для академии?

— Для академии.

— Закончишь сегодня?

— Завтра.

Лина кивнула. Поцеловала Эраста в висок — легко, мимолётно.

— Я наверх. Прилягу до ужина.

— Хорошо.

Жена ушла. Лестница скрипнула под шагами — медленно, осторожно.

Эраст слушал, пока звуки не стихли. Потом вернулся к карте. Работа поглотила снова. К вечеру основа была готова. Оставалось нанести названия, легенду, розу ветров — работа на завтра. Он убрал инструменты, вытер перо, закрыл чернильницу. Поднялся наверх. Лина накрывала на стол — медленно, с остановками. Ставила тарелки, раскладывала приборы. Лицо бледное, на лбу выступил пот.

— Помочь?

— Справляюсь сама, — улыбнулась жена. — Садись скорей.

Ужин был простым — тушёная капуста с салом, чёрный хлеб, луковый суп. Лина ела мало, по чайной ложке, с долгими паузами. Эраст делал вид, что не замечает.

Говорили о мелочах. О погоде — весна в этом году ранняя. О рынке — цены на муку выросли. О соседях — у кузнеца родилась дочь.

Обыденные разговоры. Из таких складывалась их жизнь.

После ужина Лина легла сразу — силы кончились. Эраст помог ей раздеться, укрыл одеялом. Жена уснула почти мгновенно.

Часовщик спустился обратно в мастерскую. Сел в кресло у окна. Город за стеклом погружался в сумерки — окна домов зажигались один за другим, жёлтыми точками. Где-то далеко звонили колокола — восемь ударов.

Эраст закрыл глаза. Тридцать два года назад встретил Лину на ярмарке. У лотка с лентами. Столкнулись случайно — Эраст споткнулся, схватился за первое, что попало под руку.

Попало плечо девушки в светлом платье. Она обернулась — сердито, готовая отчитать. Увидела Эраста — и замолчала.

Временная линия вокруг неё светилась так ярко, что пришлось зажмуриться. Золото, тёплое и живое. Линия тянулась далеко в будущее — на десятилетия. И где-то там переплеталась с другой.

С его линией.

Эраст знал за секунду: эта женщина станет его смыслом жизни. Сказал это вслух через три месяца, делая предложение. Лина рассмеялась, назвала безумцем. Потом расплакалась и согласилась.

Свадьба была скромной. Гостей человек тридцать, ужин простой, танцы до рассвета. Эраст не помнил деталей — еду, тосты, музыку. Помнил только Лину в белом платье, с венком из полевых цветов. Помнил её смех. Помнил, как заснула у него на плече, когда гости разошлись. Тридцать два года прошло.

Детей не было — не получилось. Годами пробовали. Лина ходила к знахаркам, пила отвары, молилась. Эраст водил к лекарям. Ничего не помогло. Сначала горевали. Потом свыклись. Грустно было, так как они всегда мечтали заполнить дом ещё большей любовью, чем есть между ними. Но они научились жить вдвоём, этого оказалось — достаточно.

Эраст открыл глаза. За окном стемнело окончательно. Город спал. Лишь изредка по мостовой проезжала повозка, стучали копыта.

Наверху Лина кашлянула — резко, надрывно. Потом затихла. Эраст встал, поднялся проверить. Жена спала, укутанная в одеяло. Дышала ровно. На губах — засохшие капли крови. Часовщик вытер платком, осторожно, чтобы не разбудить. Поправил подушку. Присел на край кровати.

Временная линия Лины мерцала в темноте — тусклая, истончённая. Рвалась по краям. Эраст смотрел, не отрываясь.

Если временные линии можно видеть — можно ли их изменить?

Мысль пришла не впервые. Крутилась в голове месяцами, с тех пор как Лина заболела. Эраст гнал её, не давал укорениться.

Сейчас решил задуматься окончательно.

Если линии — это энергия... если энергию можно перенаправить...

Часовщик поднялся, вышел из спальни. Спустился в мастерскую. Достал из сундука шкатулку. Внутри — осколки странного металла. Тускло-белого, холодного всегда. Метеоритного. Эраст нашёл этот металл семнадцать лет назад, после падения небесного камня. Экспериментировал — плавил, ковал, травил кислотой. Металл не поддавался. Оставался холодным в горне, твёрдым под молотом.

А вокруг него временные линии вели себя странно. Не обрывались, не истончались — огибали. Будто металл существовал вне времени.

Эраст взял самый крупный кусок — размером с детский кулак. Положил на ладонь.

Холод обжёг кожу.

Если этот металл останавливает время... Если через него можно направить энергию...
Мысль была безумной, но Лина умирала. Безумие, помноженное на отчаяние, рождает
решения. Эраст сжал осколок в кулаке.
Завтра начнёт эксперименты.

Глава 2: Тиканье песка

Проснулся Эрест в своей мастерской, даже не смог понять, как снова тут уснул. Первые лучи солнца разбудили его. Фолианты лежали стопками — по алхимии, астрономии, натурфилософии. Часть одолжена в библиотеке Королевской академии, часть куплена у букинистов на Старом рынке. Некоторые такие древние, что пергамент крошился под пальцами.

Эраст читал всю ночь.

Трактат Парацельса о первоматерии. «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста — в переводе на латынь, с комментариями. Записки арабского алхимика Джабира ибн Хайяна о трансмутации металлов. «De Tempore et Aeternitate» — анонимный манускрипт XIII века, купленный за бешеные деньги у антикара.

Искал упоминания времени. Не философские рассуждения о бренности бытия — конкретику. Способы воздействия, методы управления, хоть какие-то зацепки.

Находил крохи.

Парацельс писал о «temporis essentia» — временной эссенции, якобы содержащейся в крови молодых животных. Рекомендовал пить свежую кровь ягнят для продления жизни. Бред, но логика просматривалась: молодость можно перенести. Джабир упоминал «металл вне круга» — субстанцию, не подверженную тлению. Описание смутное, обрывочное. Но одна деталь зацепила: «холоден во всякое время, не ведает смены сезонов».

Похоже на метеоритный металл.

Анонимный манускрипт оказался кладезем безумия. Автор — судя по тексту, монах-отшельник — утверждал, что видел «нити судьбы», опутывающие всё живое. Описывал их как «светящиеся вервия, протянутые от колыбели до могилы». Пытался разорвать собственную нить молитвой и постом. Не вышло — умер от истощения. Рукопись обрывалась на полуслове.

Эраст захлопнул книгу, потёр глаза. Голова гудела от переизбытка информации. Половина прочитанного — мистический вздор. Четверть — шарлатанство. Остаток — туманные намёки, которые можно трактовать, как угодно. Но крупницы были.

Первое: время — не абстракция, а субстанция. Обладает свойствами, может накапливаться, переноситься.

Второе: существуют материалы, взаимодействующие со временем иначе, чем обычная материя.

Третье: кто-то ещё видел линии. Значит, Эраст не один такой. Значит, способность реальна, а не плод воображения.

Вопрос: как применить?

Часовщик встал, размял затёкшую спину. За окном было утро — небо из чёрного стало серым, потом розоватым. Город просыпался. Где-то хлопнула ставня, заржала лошадь, крикнул торговец. Обыденные звуки. Мир продолжал вращаться, безразличный к исканиям одного человека.

Эраст поднялся наверх. Лина спала — лицо бледное, дыхание неровное. Во сне кашлянула, скривилась, но не проснулась. На подушке — свежие пятна крови. Он сменил наволочку, стараясь не шуметь. Вытер губы жены влажной тканью. Поправил одеяло и вернулся в мастерскую.

Теория — хорошо. Практика — лучше.

Нужен эксперимент.

Эраст достал из сундука клетку с крысой. Старая самка, жила в мастерской третий год. Ловила мышей, грызла остатки еды, спала в углу на тряпках. Шерсть свалялась, побелела. Глаза помутнели. Двигалась медленно, с трудом. Временная линия крысы едва мерцала — тонкая ниточка, готовая порваться.

Эраст поставил клетку на стол. Рядом положил осколок метеоритного металла — тот самый, размером с кулак. Сел. Закрыв глаза. Сосредоточился. Обычное зрение отключилось. Проступило другое — внутреннее, видящее не формы, а суть. Временная линия крысы светилась тускло-серым. Обрывалась близко — дней пять, не больше. Естественная смерть от старости. Линия металла... не было линии. Вернее, была, но странная. Не тянулась из прошлого в будущее — стояла. Вертикальная, неподвижная, как ось, вокруг которой вращается остальное.

Металл существовал вне времени.

Эраст сфокусировался на крысе. Попытался мысленно коснуться её линии. Не руками — головой. Чем-то, что не осязаемое, воображением. Линия дрогнула. Крыса в клетке пискнула, дёрнулась.

Эраст не отступил. Надавил сильнее. Мысленно обхватил линию и потянул. Линия податливо изогнулась, потянулась к металлу. А крыса начала стареть. Шерсть на загривке седела — не постепенно, мгновенно. Белые пятна расползались по спине, бокам, хвосту. Глаза мутнели, западали. Кожа на лапах обвисла, морщинистая.

Часовщик разжал мысленную хватку. Крыса рухнула на бок клетки. Дышала часто, прерывисто. Не двигалась. Временная линия истончилась до паутинки. Эраст открыл глаза. Руки тряслись. Сердце колотилось.

Сработало.

Не так, как нужно — крыса не омолодилась, а состарилась ещё сильнее. Но контакт был. Воздействие — реальным. Значит, теория верна. Временем можно манипулировать. Вопрос — как направить поток в обратную сторону? Эраст задумался. Линия крысы тянулась к металлу сама — будто металл притягивал время. Высасывал, как губка воду. Можно ли заставить губку отдать обратно?

Нужен донор.

Эраст спустился в подвал. Там, в углу, стояла мышеловка. Внутри копошились три мыши — пойманные вчера вечером. Молодые. Шерсть блестящая, глаза ясные. Временные линии яркие, упругие. Эраст взял одну мышь и вернулся в мастерскую. Поставил рядом две клетки — со старой крысой и молодой мышью. Между ними положил металл.

Сел. Закрыв глаза.

Две линии — тусклая серая и яркая золотистая. Между ними — неподвижная ось металла. Эраст мысленно обхватил яркую линию. Потянул к металлу. Линия изогнулась, коснулась оси. Мышь в клетке завизжала. Её шерсть седела стремительно. Глаза мутнели. Хвост обвис. Через десять секунд молодая мышь превратилась в старую. Металл впитал время. Теперь, главное отдать.

Эраст переключился на тусклую линию крысы. Мысленно соединил её с осью металла. Надавил. Ничего. Металл не отдавал. Держал время в себе, как скупец золото. Он надавил сильнее. Волевым усилием попытался выдавить накопленное обратно. Металл сопротивлялся. Пот выступил на лбу часовщика. Виски ломило. В глазах потемнело.

Ещё.

Ещё усилие.

Что-то щёлкнуло — не в реальности, где-то глубже. Металл поддался. Временная энергия хлынула из оси в линию крысы. Старая крыса дёрнулась. Шерсть на загривке потемнела — из белой стала серой. Глаза прояснились. Лапы распрямились. Крыса поднялась, встала на задние лапы. Обнюхала прутья клетки. Двигалась увереннее, быстрее.

Омолодилась.

Эраст открыл глаза. Упал на спинку стула, тяжело дыша. Голова раскалывалась. Перед глазами плясали чёрные точки. Но получилось. Время перешло от мыши к крысе. Молодость обменялась на старость.

Цена — одна жизнь за другую.

Эраст посмотрел на клетку с мышью. Та лежала неподвижно, свернувшись клубочком. Дышала еле заметно. Старая, изношенная, на грани смерти. Часовщик отвернулся. Механизм работал. Оставалось масштабировать.

Следующие три дня Эраст почти не выходил из мастерской. Эксперименты шли один за другим. Крысы, мыши, бродячая кошка, пойманная на чердаке. Старое на молодое, молодое на старое. Раз за разом — один и тот же результат.

Донор старел и умирал. Реципиент молодел и оживал.

Закон сохранения времени. Ничего не берётся из ниоткуда, ничего не уходит в никуда. Только перетекает. Эраст записывал результаты в тетрадь — мелким, убористым почерком. Цифры, наблюдения, выводы.

Эксперимент №7: Мышь (возраст ≈ 6 месяцев) $\rightarrow$ Крыса (возраст ≈ 3 года). Время переноса: ≈ 18 секунд. Результат: мышь умерла, крыса омолодилась на ≈ 1 год. Эффект нестабилен — через сутки крыса вернулась к исходному состоянию.

Эксперимент №8: Две мыши (возраст ≈ 4 месяца) $\rightarrow$ Крыса (возраст ≈ 3 года). Время переноса: ≈ 25 секунд. Результат: обе мыши мертвы, крыса омолодилась на ≈ 1.5 года. Эффект держится вторые сутки.

Эксперимент №12: Кошка (возраст ≈ 1 год) $\rightarrow$ Крыса (возраст ≈ 3 года). Время переноса: ≈ 40 секунд. Результат: кошка мертва, крыса омолодилась полностью. Эффект стабилен — третьи сутки без изменений.

Закономерность проступала.

Чем больше времени переносилось — тем стабильнее эффект. Малые дозы рассеивались, организм возвращался к исходному. Большие — закреплялись.

Для полного омоложения человека потребуется...

Эраст прикинул в уме. Лине пятьдесят четыре. Вернуть к тридцати — значит, перенести двадцать четыре года. Эксперименты показывали: год жизни крысы требует примерно трёх месяцев жизни мыши. Пропорция нелинейная — зависит от размера, метаболизма, изначального возраста.

Для человека пропорция другая.

Он листал записи, сверялся с таблицами.

Двадцать четыре года человеческой жизни потребуют... примерно тридцати лет от донора. Может, сорока. Точнее без практики не определить. Это значит — донор умрёт. Гарантированно. Без шанса. Часовщик отложил перо. Уставился в стену. Убить человека, чтобы спасти другого. Мысль была чудовищной. Но Лина умирала.

Эраст встал, прошёлся по мастерской. Остановился у окна. За стеклом — вечерний город. Люди шли по улицам, спешили по делам. Смеялись, разговаривали, жили. У каждого — своя временная линия. Яркая или тусклая, длинная или короткая. Чья-то тянется на десятилетия. Чья-то оборвётся завтра.

Какая разница, оборвётся естественно или...

Зажмурился и отбросил все мысли.

Нет.

Не может. Не должен.

Но чахотка не спрашивала, должен ли. Пожирала Лину день за днём. Ещё месяц — и временная линия жены истончится окончательно. А дальше — тишина. Вечная, абсолютная тишина.

Эраст вернулся к столу. Взял тетрадь с записями. Перечитал эксперименты. Все успешные. Все доказывали: механизм работает. Оставалось решить — применять или нет.

Лина позвала около полуночи.

Голос слабый, еле слышный сквозь потолочные доски. Эраст бросил перо, взлетел по лестнице. Жена лежала, скрючившись под одеялом. Дрожала — не от холода, от жара. Лоб горел. Губы потрескались, покрылись корочками. Глаза лихорадочно блестели.

— Эраст...

— Я здесь.

— Холодно.

Часовщик добавил дров в камин. Пламя разгорелось, жар ударил в лицо. В спальне стало душно, но Лина продолжала дрожать.

Он лёг рядом, обнял. Жена прижалась к нему — кожа горячая, влажная от пота. Дышала часто, прерывисто.

— Приснился сон, — прошептала. — Страшный.

— Какой?

— Я... я падала. В темноту. Долго падала. А потом... исчезла. Просто перестала существовать. — Лина всхлипнула. — Эраст, я боюсь.

— Не бойся. — Часовщик прижал губы к её лбу. — Я рядом. Всегда рядом.

— А если...

— Тихо. Не думай о плохом.

Лина замолчала. Дрожь постепенно утихла. Дыхание выровнялось. Уснула, уткнувшись лицом в грудь мужа.

Эраст лежал неподвижно. Смотрел в потолок.

Временная линия жены мерцала совсем рядом — тонкая, рваная. Обрывалась на расстоянии вытянутой руки. Недели. Может, дни. Часовщик осторожно высвободился из объятий. Укрыл Лину одеялом. Вышел из спальни. Спустился в мастерскую. Сел за стол. Уставился на тетрадь с записями.

Решение созрело само.

Не будет искать оправданий. Не будет убеждать себя в правоте. Просто сделает. Потому что альтернатива — смотреть, как Лина угасает. Слушать её кашель. Вытирать кровь с губ. Хоронить. Этого Эраст вынести не мог. Лучше проклятие. Лучше грех. Лучше кровь на руках. Только не потеря. Часовщик взял чистый лист. Начал писать.

Следующим утром Эраст вышел в город. Шёл медленно, разглядывая прохожих. Временные линии сплетались в разноцветный хаос — яркие, тусклые, короткие, длинные. Толпа текла мимо, не замечая взгляда. Искал кого? Сам не знал точно. Но критерии имелись.

Молодой — чтобы запас времени был велик.

Здоровый — чтобы линия светилась ярко.

Одиноким — чтобы исчезновение не вызвало шума.

Нищий бродяга у стены таверны. Седобородый, оборванный, пропахший вином. Линия тусклая, короткая. Не подходит — слишком мало времени.

Молодой матрос на причале. Загорелый, мускулистый, лет двадцати пяти. Линия яркая, уходит далеко. Окружён товарищами, смеются, пьют пиво. Не подходит — слишком заметный.

Девушка-цветочница на площади. Шестнадцать, может, семнадцать. Линия золотая, сияющая. Продаёт букеты, улыбается покупателям. Не подходит — Эраст не мог. Просто не мог.

Мальчишка-беспризорник в переулке. Грязный, голодный, роется в отбросах. Десять лет, не больше. Линия яркая, длинная. Один, никто не хватится. Подходит... но Эраст отвернулся. Ребёнок. Нет.

Часовщик бродил до вечера. Вернулся домой ни с чем. Лина спросила, где был. Ответил — гулял, проветрился. Жена кивнула, не допытывалась. Ночью Эраст лежал без сна. Не получается. Не может выбрать жертву хладнокровно. Смотреть в глаза человеку, зная — сейчас заберу всё. Значит, нужен другой подход. Случайность. Кто-то, кого не придётся выбирать

сознательно. Кто сам подвернётся под руку. Судьба решит. Эраст закрыл глаза. Решение принято. Осталось ждать.

Возможность пришла через неделю.

Эраст возвращался от заказчика — отвёз починенные часы лорду Бремину, получил расчёт. Вечерело. Улицы пустели. В переулке у Старого моста столкнулся с женщиной. Высокий, широкоплечий, лет тридцати. Одет прилично — кожаная куртка, добротные сапоги. Шёл нетвёрдой походкой, шатаясь. Пьяный. Наткнулся на Эраста, пробормотал извинение. Пошёл дальше.

Он обернулся.

Временная линия мужчины светилась ярким золотом. Крепкая, здоровая. Тянулась далеко — лет сорок впереди, не меньше.

Молодой. Сильный. Один. Идеальный донор.

Часовщик шагнул следом.

Мужчина свернул в узкий проулок между складами. Шёл, напевая себе под нос — фальшиво, невпопад.

Эраст ускорился. Нагнал. Окликнул:

— Простите, сударь.

Мужчина обернулся. Лицо красное, глаза мутные.

— А? Чего?

— Вы обронили. — Эраст протянул медную монетку — вытащил из собственного кармана.

— Моя? — Пьяница прищурился. — Не помню... Ну ладно, спасибо.

Взял монету. Развернулся, пошёл дальше.

Эраст шагнул за ним. Достал из кармана осколок метеоритного металла. Сжал в кулаке. Закрыл глаза. Сфокусировался на временной линии мужчины. Мысленно обхватил, потянул к металлу. Линия дрогнула.

Мужчина споткнулся, выругался. Обернулся:

— Ты чего...

Не договорил. Эраст давил сильнее. Временная линия изгибалась, тянулась к металлу. Энергия текла — медленно, густо, как мёд. Мужчина побледнел. Схватился за стену, опёрся. Дышал тяжело.

— Что... что это... — прохрипел.

Эраст не отвечал. Тянул время, втягивал в металл. Секунда за секундой, минута за минутой, год за годом. Кожа мужчины серела. Морщины проступали на лбу, вокруг глаз. Волосы седели — от висков к затылку, быстрой волной.

— Помогите... — попытался крикнуть пьяница. Голос сорвался в хрип.

Колени подогнулись. Рухнул на мостовую. Скрючился, обхватив живот. Эраст стоял над ним. Не отпускал. Тянул дальше. Лицо мужчины осунулось. Щёки ввалились. Губы потрескались. Руки сморщились, кожа обвисла складками. Временная линия истончалась, бледнела, рвалась. Тридцать лет жизни перетекли в металл за две минуты. Мужчина дёрнулся последний раз — и затих. Лежал неподвижно, свернувшись на боку. Старик. Седой, изможденный, мёртвый.

Эраст открыл глаза. Металл в руке пульсировал — не физически, на другом уровне. Временная энергия kloкотала внутри, рвалась наружу.

Часовщик посмотрел на труп. Чувств не было. Ни вины, ни ужаса. Пустота. Работа сделана. Инструмент получен. Теперь осталось только применить. Эраст развернулся, пошёл прочь. Быстро, не оборачиваясь. Труп найдут утром. Решат — пьяница, сердце не выдержало. Такое случается. Никто не узнает правды. Он думал, что из-за изменений жертвы до такого состояния, никто не сможет опознать его, и спишут на естественную смерть.

Домой вернулся затемно. Лина спала — дышала хрипло, прерывисто. Во сне кашляла, морщилась. Эраст спустился в мастерскую. Положил металл на стол. Осколок светился изнутри — слабо, еле заметно. Временная энергия бурлила, искала выход. Тридцать лет чужой жизни. Достаточно, чтобы вернуть Лину. Сел, уставился на металл.

Руки не дрожали. Мысли не метались. Решение принято, пути назад нет. Завтра начнёт процедуру. Сегодня надо отдохнуть, переварить все случившееся. Часовщик поднялся наверх, лёг рядом с женой. Обнял осторожно, чтобы не разбудить. Лина прижалась во сне. Пробормотала что-то неразборчивое. Эраст закрыл глаза. Последняя ночь перед спасением. Или проклятием.

Утро началось с кашля.

Лина проснулась рано, задыхаясь. Кашляла долго, мучительно. Плевала кровью в платок — алые сгустки, густые. Эраст держал её за плечи, гладил по спине. Ничего не говорил — слова не помогали.

Приступ схлынул. Лина обессилено рухнула на подушки.

— Прости, — прошептала. — Разбудила.

— Не извиняйся.

— Я стараюсь... стараюсь не кашлять. Не выходит.

— Знаю.

Жена закрыла глаза. Слезы потекли по вискам, впитались в наволочку.

— Устала, Эраст. Я так устала...

— Потерпи ещё немного.

— Сколько? — Открыла глаза, посмотрела прямо. — Сколько мне осталось?

Эраст не ответил.

Лина горько усмехнулась. — Понятно.

Часовщик наклонился, поцеловал жену в лоб.

— Сегодня вечером, — сказал тихо. — Сегодня вечером я всё исправлю.

— Что?

— Потерпи до вечера. Обещаю — станет легче.

Лина непонимающе смотрела. Хотела спросить, но Эраст уже встал, вышел из спальни.

Времени не осталось. Нужно действовать. Днём часовщик готовился. Закрыл мастерскую на замок — повесил табличку «Отъезд, вернусь через неделю». Заказчики подождут. Затворил ставни, задёрнул занавески. Зажёг свечи — двенадцать штук, расставил по кругу. В центре круга поставил кушетку. Застелил чистыми простынями. Рядом, на столике — осколок метеоритного металла. Пульсирует слабо, почти неразличимо. Внутри — тридцать лет чужого времени.

Эраст проверил всё трижды. Кушетка устойчива. Простыни свежие. Металл заряжен. Готово. Поднялся наверх. Лина сидела на кровати, опёршись на подушки. Смотрела в окно — на серое небо, голые ветви деревьев.

— Лина.

Жена обернулась.

— Пойдём со мной, — сказал Эраст. — Вниз, в мастерскую.

— Зачем?

— Доверься. Пожалуйста.

Лина колебалась. Потом кивнула.

Эраст помог ей встать, одеться. Жена опиралась на руку мужа — шла медленно, с остановками. К лестнице добрались с трудом. Спускались осторожно, ступень за ступенью. Внизу Лина увидела круг из свечей, кушетку.

— Эраст, что это?

— Ляг. Объясню потом.

— Но...

— Пожалуйста. — Голос часовщика был твёрдым, не терпящим возражений. — Доверься мне.

Лина посмотрела в глаза мужу. Увидела там что-то — решимость, отчаяние, безумную надежду. Не стала спорить. Легла на кушетку. Эраст укрыл её пледом, поправил подушку под головой.

— Закрой глаза, — сказал мягко. — Расслабься.

— Эраст, я боюсь.

— Не бойся. Я всё сделаю правильно.

Жена закрыла глаза. Дышала неровно, прерывисто. Руки сжаты в кулаки. Эраст взял осколок металла. Сел рядом с кушеткой. Положил металл себе на колени. Закрыв глаза. Сфокусировался. Две временные линии проступили в темноте сознания.

Первая — тусклая, рваная, еле мерцающая. Линия Лины. Обрывалась совсем близко, в нескольких шагах.

Вторая — вертикальная ось металла. Неподвижная, заряженная украденным временем. Тридцать лет чужой жизни, сжатые в кулак.

Он мысленно соединил их. Ось дрогнула. Металл не хотел отдавать. Держал время мёртвой хваткой, как скупец золото. Часовщик надавил волей. Сильнее. Ещё сильнее. Что-то треснуло — не в реальности, где-то глубже. Металл поддался. Энергия хлынула из оси в линию Лины. Жена вскрикнула.

Тело выгнулось дугой, руки вцепились в края кушетки. Глаза распахнулись — белки налились кровью.

— Эраст! Что...

— Терпи! — крикнул часовщик. — Ещё немного!

Поток времени заливал линию Лины — густой, вязкий, обжигающий. Истончённая нить разбухла, крепла, светлела. Но организм сопротивлялся. Тело привыкло умирать. Клетки настроились на распад. А теперь процесс развернулся вспять — и каждая клетка кричала от боли. Лина билась на кушетке. Кричала — не словами, животным воем. Кровь хлынула из носа, ушей. На коже выступили красные пятна — лопались капилляры. Но не останавливался. Гнал поток дальше, сильнее. Заливал временем, как водой заливают огонь.

Минута. Две. Три.

Металл бледнел, тускнел. Энергия иссякала. Линия Лины разгоралась — из серой стала бронзовой, из бронзовой — золотой. Рваные края сплавились, уплотнились. Обрыв отодвинулся — на годы, десятилетия. Эраст выдохнул последнее усилие.

Поток иссяк. Металл потух окончательно. Пустой, выжатый, мёртвый. Часовщик открыл глаза. Лина лежала неподвижно. Глаза закрыты, руки раскинуты. Из рта, носа, ушей текла кровь — тонкими струйками, окрашивая простыню.

Не дышала.

Сердце Эраста ухнуло вниз.

— Лина!

Кинулся к ней, схватил за плечи, тряхнул.

— Лина, слышишь? Лина!

Тишина.

Нет. Нет, не может быть. Не после всего. Не сейчас. Эраст прижал ухо к груди жены.

Тишина.

Сердце не билось.

— Нет... — прошептал. — Нет, нет, нет...

Сжал кулаки, ударил по кушетке. Снова. И снова. Всё зря. Убил человека зря. Обрѣк себя зря. Лина умерла. Эраст рухнул на колени, уронил голову на край кушетки. Плакать не мог — слёзы высохли где-то внутри. Сидел, не двигаясь. Секунды тянулись часами.

И вдруг...

Вздых.

Тихий, слабый. Но — вздох.

Эраст поднял голову. Грудь Лины шевельнулась. Поднялась, опустилась. Ещё вздох. Сильнее. Жена открыла глаза. Смотрела в потолок, не мигая. Зрачки расширены, взгляд пустой.

— Лина? — прошептал Эраст. — Ты слышишь меня?

Пауза.

Потом жена медленно повернула голову. Посмотрела на мужа.

— Эраст... — голос хриплый, сорванный. — Что... что было?

— Тихо. Не говори. Отдыхай.

— Болело... так болело...

— Прости. Прости меня. — Часовщик взял руку жены, прижал к губам. — Но сработало. Ты жива.

Лина попыталась сесть. Эраст помог — подложил подушки, поддержал за спину. Жена огляделась. Увидела круг свечей, мастерскую, окровавленную простыню.

— Что ты сделал? — спросила тихо.

— Спас тебя.

— Как?

Эраст молчал. Лина смотрела прямо, не отводя взгляда. Ждала ответа.

— Не спрашивай, — сказал наконец часовщик. — Пожалуйста. Просто... просто прими это, что ты здорова. Это главное.

— Эраст...

— Потом. Поговорим потом. Сейчас — наверх, в постель. Нужен отдых.

Помог жене встать. Лина пошатнулась, оперлась на плечо мужа. Шла медленно, неуверенно — ноги не слушались. Поднялись наверх. Эраст уложил жену в постель, укрыл двумя одеялами. Лина сразу закрыла глаза.

— Спи, — сказал часовщик. — Долго спи. Организму нужно время восстановиться.

Жена кивнула, не открывая глаз. Через минуту дыхание выровнялось — глубокое, спокойное. Без хрипов. Без кашля. Здоровое дыхание. Эраст стоял, глядя на спящую Лину. Временная линия жены светилась ровным золотом. Крепкая, плотная. Тянулась далеко — на годы вперёд.

Получилось.

Чахотка отступила. Жизнь вернулась. Цена — одна чужая жизнь. Эраст развернулся, вышел из спальни. Спустился в мастерскую. Осколок металла лежал на столике — тусклый, мёртво-серый. Пустой.

Часовщик взял его, сжал в кулаке. Всё правильно. Всё, как нужно. Лина жива — остальное не важно. Но где-то глубоко, в уголке сознания, шевельнулась мысль:

А что, если чахотка вернётся?

Что, если эффект временный, как в первых экспериментах?

Что, если через неделю, месяц, год — болезнь снова придёт?

Эраст сжал металл сильнее. Холод обжёг ладонь. Тогда повторит процедуру. Найдёт донора. Заберёт время. Перельёт в Лину. Раз за разом, сколько потребуется. Цена не важна. Главное — она рядом. Живая.

Лина проспала сутки. Эраст не отходил от кровати. Сидел в кресле, смотрел на спящую жену. Каждые полчаса проверял пульс — ровный, сильный. Дыхание — глубокое, без хри-

пов. Временная линия светилась стабильно. Всё хорошо. На вторые сутки Лина проснулась. Открыла глаза, огляделась. Села в постели — без посторонней помощи, сама.

— Доброе утро, — улыбнулась.

Он не поверил ушам.

Голос. Обычный голос — не хриплый, не сорванный. Такой, каким был год назад.

— Как ты?

— Хорошо. — Лина потянулась, размяла плечи. — Странно, но... хорошо. Ничего не болит. Совсем.

— Кашель?

— Нет. — Жена удивлённо посмотрела на мужа. — Вообще нет. Грудь не давит. Дышу свободно.

Глубоко вдохнула, выдохнула. Никаких хрипов. Эраст закрыл глаза. Выдохнул облегчённо. Сработало. Окончательно.

— Что ты со мной сделал? — спросила Лина тихо.

— Вылечил.

— Как?

— Не важно.

— Эраст...

— Не важно, — повторил часовщик жёстко. — Ты здорова. Этого достаточно.

Лина смотрела пристально. Читала лицо мужа — морщины, запавшие глаза, седину на висках. Той седины вчера не было.

— Ты постарел, — сказала. — За одну ночь. Как будто... как будто годы отдал.

Эраст не ответил.

Жена протянула руку, коснулась его щеки. Погладила.

— Что ты сделал? — прошептала. — Ты сделал что-то с собой?

— Неважную.

— Эраст, пожалуйста...

— Хватит. — Часовщик перехватил её руку, сжал пальцы. — Не спрашивай. Никогда не спрашивай. Обещай.

Лина колебалась. Потом медленно кивнула.

— Обещаю.

Эраст выдохнул. Поцеловал жену в лоб.

— Спасибо.

Молчали долго. Лина сидела, обхватив колени руками. Эраст — в кресле, глядя в окно. Солнце пробивалось сквозь облака, окрашивая комнату золотистым светом. Новый день. Новая жизнь, купленная кровью.

Неделя прошла спокойно.

Лина крепла с каждым днём. Цвет вернулся к лицу — из серого стал румяным. Глаза прояснились. Аппетит проснулся — ела с жадностью, будто наверстывала месяцы болезни. Кашель не возвращался. Эраст наблюдал, не веря до конца. Проверял временную линию жены несколько раз в день — всё так же ровно, стабильно.

Чудо держалось.

На восьмой день Лина спустилась в мастерскую. Эраст работал над картой — дочерчивал легенду. Услышал шаги, обернулся. Жена стояла на пороге — в светлом платье, волосы заплетены. Улыбалась.

— Можно войти?

— Конечно.

Лина подошла, села на табурет у окна. Тот самый, где дремала неделю назад.

— Соскучилась по мастерской, — сказала. — По запаху. По тебе за работой.

Эраст отложил перо.

— Как себя чувствуешь?

— Прекрасно. Хочу на рынок. Сама. Без посторонней помощи.

— Уверена?

— Абсолютно. — Лина встала, прошла по мастерской. Шаги уверенные, без шатания.

— Смотри. Не кружится голова. Не болят ноги. Я здорова, Эраст. По-настоящему здорова.

Часовщик смотрел, как жена двигается — легко, свободно. Так, как год назад. Вернулась.

Его Лина вернулась.

— Иди, — сказал. — Купи что-нибудь вкусное. Устроим праздник.

— Праздник? — Лина рассмеялась. — Повод есть?

— Есть. Ты выздоровела.

Жена подошла, обняла Эраста со спины. Прижалась щекой к его плечу.

— Спасибо, — прошептала. — За всё.

Часовщик накрыл её руки своими.

— Не за что.

Лина ушла. Эраст остался в мастерской. Сидел, глядя на закрытую дверь. Всё правильно.

Всё, как должно быть. Но мысль не отпускала:

Цена. Заплаченная цена.

Где-то в городе, в безымянной могиле, лежит человек. Убитый для спасения другого. Эраст встал, подошёл к окну. Город жил обычной жизнью. Люди ходили по улицам, торговали, смеялись. Никто не знал.

Никто не узнает.

Часовщик сжал кулаки. Не жалеет. Ни капли. Лина жива — это единственное, что имеет значение. Но что-то внутри изменилось. Грань стёрлась. Та самая, между допустимым и запретным. Раньше Эраст чинил механизмы. Упорядочивал мир. Следовал своим правилам. Теперь правила сломаны. И если придётся ломать снова — сломает. Без колебаний.

Месяц спустя чахотка вернулась.

Лина проснулась утром, кашляя. Сухо, надрывно. На платке — алое пятно. Эраст замер. Нет. Только не это. Проверил временную линию жены. Светилась тускло. Не так ярко, как неделю назад. Истончалась. Эффект проходил. Краденое время рассеивалось, возвращая организм к исходному состоянию. Чахотка возвращалась.

Лина смотрела на окровавленный платок. Губы дрожали.

— Эраст... — прошептала. — Опять. Оно опять началось.

Часовщик сжал кулаки.

— Нет, — сказал твёрдо. — Не началось. Я не позволю.

— Но...

— Тихо. Ляг, отдыхай. Я всё исправлю.

Лина послушно легла. Закрыла глаза. Эраст спустился в мастерскую. Достал из сундука осколок металла. Тусклый, пустой. Нужно зарядить снова. Нужен донор. Часовщик взял металл, сунул в карман. Накинул плащ. Вышел в город. Шёл быстро, целенаправленно. Искал.

Портовый район. Таверны, кабаки, притоны. Народ попроще, победнее. Те, кого никто не хватится.

Эраст нашёл жертву за час. Молодой грузчик, пьяный в стельку. Лет двадцати пяти. Крепкий, здоровый. Временная линия яркая. Увёл в переулок. Сделал быстро — две минуты, не больше. Грузчик состарился и умер. Металл зарядился.

По возвращению домой, повторил процедуру. Перелил время в Лину. Жена снова закричала, билась на кушетке. Кровь, боль, мучения. Но получилось. Чахотка отступила опять. Лина выздоровела. На месяц.

Через месяц — снова.

Кашель. Кровь. Ослабление временной линии. Эраст нашёл третьего донора. Убил. Зарядил металл. Перелил. Ещё месяц здоровья.

Потом — снова.

И снова.

И снова.

Год прошёл в этом цикле. Двенадцать доноров. Двенадцать убийств. Эраст перестал считать. Стало привычкой — как работа. Механическое действие. Находишь жертву. Вытягиваешь время. Переливаешь в жену. Месяц покоя. Потом — сначала.

Лина не спрашивала. Знала — муж что-то делает. Что-то страшное. Но молчала. Потому что хотела жить. Эраст убивал. Потому что не мог её потерять. Круг замкнулся. Выхода не было.

На тринадцатый раз что-то сломалось.

Эраст вернулся с очередной охоты — металл заряжен, готов к процедуре. Вошёл в дом. Лина сидела на кухне. Смотрела в окно.

— Лина?

Жена не обернулась.

— Сколько? — спросила тихо.

— Что?

— Сколько людей ты убил ради меня?

Эраст замер.

— Не знаю, о чём ты...

— Знаешь. — Лина повернулась. Лицо мокрое от слёз. — Я не слепая, Эраст. Вижу. Каждый месяц ты уходишь. Возвращаешься с этим проклятым камнем. Делаешь со мной... эту процедуру. И я здорова. Месяц. Потом опять болею. И ты снова уходишь.

— Лина...

— Сколько? — повторила жёстко. — Сколько жизней на моей совести?

Часовщик молчал. Была только одна мысль, откуда она могла знать?

Жена встала. Подошла вплотную.

— Я не хочу, — сказала. — Слышишь? Не хочу так жить. Не хочу, чтобы люди умирали ради меня.

— Но ты жива...

— По какой цене?! — крикнула Лина. — По какой, Эраст?!

— По любой! — рявкнул часовщик в ответ. — Любой! Мне плевать! Ты жива — это единственное, что важно!

— Для тебя! А для меня?!

— И для тебя тоже!

Лина отступила. Смотрела на мужа — будто видела впервые.

— Ты... ты сошёл с ума, — прошептала.

— Возможно.

— Эраст, остановись. Пожалуйста. Хватит.

— Нет.

— Я умру, если ты не будешь...

— Не умрёшь, — перебил часовщик. — Я не дам. Буду находить столько людей. Сколько потребуется. Хоть сотню. Хоть тысячу.

— Это безумие!

— Мне всё равно!

Эраст схватил жену за плечи. Встряхнул.

— Понимаешь?! Мне плевать на них! На всех! Ты — единственное, что у меня есть! Потеряю тебя — потеряю всё!

Лина плакала. Не вырывалась, просто плакала.

— Отпусти меня, — прошептала. — Пожалуйста. Отпусти.

— Никогда.

— Эраст...

— Я сказал — никогда.

Часовщик развернулся, пошёл в мастерскую. Лина осталась на кухне. Плакала долго, пока слёзы не кончились. Потом поднялась наверх. Легла в постель. Смотрела в потолок до утра.

Утром Эраст провёл процедуру. Лина не сопротивлялась. Лежала молча, стиснув зубы. Когда поток времени залил её линию — кричала, но не просила остановиться. Знала: бесполезно. Муж не остановится. Никогда. Процедура закончилась. Лина выздоровела в очередной раз. Эраст уложил её в постель. Укрыл одеялом.

— Спи. Восстанавливайся.

Жена смотрела в потолок. Молчала. Часовщик вышел, закрыл дверь. Спустился в мастерскую. Сел за стол. Смотрел на пустой осколок металла. Через месяц придётся повторить. И через месяц после. И так до бесконечности. Пока Лина жива — будет продолжать. Цена не важна. Эраст закрыл глаза.

Где-то внутри, в последнем уголке совести, шептал голос:

Чудовище. Ты стал чудовищем.

Часовщик сжал кулаки.

Да.

Стал.

Но Лина жива. И это — единственное, что имеет значение.

Ещё полгода прошло в этом кошмаре. Эраст убивал регулярно. Раз в месяц, как по расписанию. Выслеживал жертв в портах, трущобах, тёмных переулках. Молодых, здоровых, одиноких. Высасывал время. Переливал в Лину. Жена переставала сопротивляться. Принимала процедуру молча, как наказание. Не разговаривала с мужем неделями. Смотрела сквозь него. Эраст это видел. Понимал — теряет жену. Не физически, по-другому. Лина отдалялась, уходила в себя.

Но останавливаться не мог.

Привык. Убийство стало рутиной. Находишь, забираешь время, переливаешь. Механическое действие, как починка часов. Чувств не осталось. Ни вины, ни ужаса. Пустота.

И однажды ночью Лина сказала:

— Хватит, Эраст.

Они лежали в постели. Не касаясь друг друга, каждый на своём краю. Часовщик не ответил.

— Я ухожу, — добавила жена тихо.

— Куда?

— Не знаю. Куда угодно. Подальше от тебя.

Эраст поднялся на локте. Посмотрел на Лину.

— Не пущу.

— Не остановишь.

— Пущу. Ты моя. Всегда была, всегда будешь.

Лина повернула голову. Посмотрела в глаза мужа.

— Я уже не твоя, — сказала. — Ты убил ту женщину, которую любил. Год назад. Когда начал всё это.

— Нет...

— Да. — Жена села. — Та Лина умерла от чахотки. А эта... эта кукла, сшитая из краденого времени. Это не я.

— Ты жива!

— Нет. Я существую. Это не одно и то же.

Эраст схватил жену за руку.

— Не говори так...

— Отпусти.

— Лина, пожалуйста...

— Отпусти меня! — крикнула жена. — Хоть раз! Хоть один раз за этот год!

Часовщик разжал пальцы. Лина встала, оделась. Взяла сумку, сложила несколько вещей.

— Прощай, Эраст.

Пошла к двери. Эраст сидел на кровати. Смотрел, как жена уходит. Дверь закрылась.

Шаги по лестнице. Скрип входной двери.

Тишина.

Часовщик сидел неподвижно. Временная линия Лины светилась где-то вдали — уходила, отдалялась. Уходила навсегда. Эраст встал. Подошёл к окну. За стеклом — ночной город. Лина шла по улице, маленькая фигурка в светлом платье. Шла быстро, не оборачиваясь. Исчезла за углом. Часовщик стоял, глядя в пустоту. Потерял. Потерял жену. Не от чухотки. От себя самого.

Убивал ради неё — и убил их обоих. Эраст закрыл глаза.

Что теперь?

Жить дальше? Зачем?

Работать? Для кого?

Всё, ради чего держался — ушло.

Часовщик открыл глаза. Временные линии города сплетались в разноцветный хаос. Тысячи жизней, тысячи судеб. Ни одна из них не важна. Без Лины — мир пуст.

Он развернулся. Спустился в мастерскую. Достал из сундука осколок металла. Последний, самый крупный. Тот самый, из которого сделал медальон год назад. Разобрал медальон. Вынул пряди волос — светлую и тёмную, переплетённые. Положил на ладонь. Смотрел долго. Потом сжал в кулаке. Решение созрело. Если мир без Лины невыносим — зачем терпеть?

Покончить с собой. Сейчас. Здесь.

Но не просто умереть. Умереть правильно. Эраст поднял голову. Вспомнил.

Утёс Чёрного Эха.

То самое место, где семнадцать лет назад различил источник временных линий. Если там, под Утёсом, находится средоточие времени... Если упасть туда, с металлом, с медальоном на груди... Возможно это наполнит его безумной энергией... Но кто передаст камень Лине...? Что произойдёт?

Эраст не знал. Не мог знать. Но альтернатива — жить дальше, в этой пустоте — была невыносима. Часовщик сунул медальон в карман. Взял металлический осколок, сплавил его с грубой оправой. Вставил пряди волос обратно. Получился массивный, тяжёлый медальон — холодный, неподвижный. Надел на шею. Металл лёг на грудь, обжигая кожу холодом. Эраст поднялся вверх. Прошёл по дому — последний раз. Спальня. Кровать, где спали тридцать два года. Пустая теперь. Кухня. Стол, за которым ужинали вдвоём. Немытая посуда — вчерашний ужин, Лина не успела убрать.

Мастерская. Столы, инструменты, карты. Вся жизнь сосредоточена здесь. Была. Эраст вышел из дома. Запер дверь. Ключ оставил на пороге.

Пошёл на север. Дорога заняла три дня.

Эраст шёл, не останавливаясь. Спал урывками, на обочине. Ел, что попадалось — краюху хлеба, яблоко, воду из ручья. Просто шёл. На третий день вышел к Утёсу. Чёрная скала вздымалась над равниной — отвесная стена, уходящая в небо. Высота — футов триста, может,

больше. Внизу, у подножия — туман. Густой, непроницаемый. Будто земля проваливалась в бездну. Эраст поднялся на вершину. Стоял на краю, глядя вниз.

Туман клубился, скрывая дно. Эхо доносилось странное — не отражение звуков, а что-то иное. Шёпот. Голоса. Будто внизу кто-то говорил. Часовщик закрыл глаза. Сфокусировался. И увидел. Временные линии.

Не отдельных существ — всё разом. Колоссальное сплетение, исходящее из глубины. Тысячи, миллионы нитей, переплетённых в единый узел. Пульсирующий, живой. Источник. Сердце времени. Эраст открыл глаза. Вот оно. То, что искал, не зная.

Если упасть туда...

Если коснуться этого источника с медальоном на груди, с металлом, который существует вне времени... Что произойдёт? Смерть? Или что-то иное?

Нет, не боялся. Страх выгорел месяцы назад, вместе с совестью. Шагнул вперёд. Мир перевернулся. Падение.

Ветер бил в лицо, рвал одежду. Туман обволакивал, слепил глаза.

Секунда. Две. Три.

Удар.

Но не о камни. Во что-то мягкое, вязкое. Жидкость — холодная, плотная, светящаяся. Эраст захлебнулся. Попытался всплыть — не получилось. Жидкость тянула вниз, засасывала. Медальон на груди раскалился.

Боль.

Нечеловеческая, всепожирающая боль. Будто грудь раскололи изнутри, вывернули наизнанку. Эраст закричал — беззвучно, под водой. Медальон прожигал плоть, вращал в груди. Металл плавился, сливался с костями, с сердцем.

А временная энергия озера хлынула внутрь. Не постепенно — лавиной. Тысячи, миллионы лет, сжатые в секунду. Заливали, переполняли, разрывали изнутри. Тело не выдерживало. Кости ломались, срастались заново. Кожа обугливалась, слезала, нарастала новая. Органы отказывали, перерождались.

Эраст умирал.

Снова и снова, бесконечное количество раз. Каждая смерть — новое рождение. Каждое рождение — новая мука. Время перестало существовать для него. Прошрое, настоящее, будущее сплелись в единый ком.

Видел себя ребёнком. Юношей. Стариком. Трупом. Всё одновременно.

Видел Лину. Молодую, старую, мёртвую. Живую.

Видел своих жертв. Их лица, их крики, их смерть.

Видел город, сожжённый дотла. Королевство, превращённое в пустошь. Мир, умирающий от его прикосновения.

Видел себя — чудовище из тьмы и костей. Он был драконом. Пожирателем времени. Но этот дракон смотрел своими пустыми глазами на часовщика и говорил, что это — Эреборий, это имя дракона и повелевая, он произнёс новое имя Эраста:

Эреборий.

Громогласным эхом, он прорычал новое имя часовщика.

Эраст Хронос умер.

Эреборий родился.

Выбрался на поверхность на рассвете. Вернее, то, что раньше было Эрастом. Тело изменилось, стало моложе. Выше, сильнее. Кожа — холодная, мраморная. Глаза — видели не цвета, а время. Временные линии всего живого, как светящиеся нити в темноте.

На груди, под одеждой — медальон. Вросший намертво. Пульсирующий в такт сердцебиению.

Источник силы.

Источник проклятия.

Эреборий встал. Огляделся. Озеро позади — тусклое, почти пустое. Он выпил почти всю временную энергию. Осталась лужа, не больше. А внутри — океан. Бесконечный запас украденного времени. Эреборий поднял руку. Коснулся ствола дерева. Дерево почернело, ссохлось, рассыпалось в прах. За секунду. Он забрал его время.

Сила.

Абсолютная, чудовищная сила.

Эреборий усмехнулся. Без радости, без удовольствия. Просто — констатация факта. Теперь может забирать время без металла. Сам стал проводником. Совершенным, безотказным. Может омолаживаться сколько угодно. Жить вечно. Или пока не иссякнут жертвы. Вернуть Лину? Мысль пришла мгновенно.

Найти её. Забрать время у десятков, сотен людей. Залить в жену так много жизни, что чахотка никогда не вернётся. Сделать её бессмертной. Вместе с собой. Развернувшись, пошел юг, к городу. Шёл быстро, не уставая. Тело слушалось идеально — сильное, неуязвимое. Город показался на горизонте к вечеру. Столица. Сотни тысяч людей. Миллионы лет жизни, заключённые в смертных телах.

Урожай.

Эреборий вошёл в город с наступлением темноты. Прошёл по улицам. Люди шарахались, не понимая почему. Инстинкт кричал — опасность. Хищник. Беги. Но Эреборий пока никого не трогал. Искал Лину. Нашёл в съёмной комнатухе на окраине. Маленькая, убогая лачуга. Жена сидела у окна, шила что-то при свете свечи. Эреборий остановился у двери. Постучал. Внутри — шорох. Шаги. Дверь приоткрылась.

Лина выглянула.

Увидела его — и замерла.

Не узнала. Как узнать? Муж превратился в нечто иное. Высокое, холодное, нечеловеческое.

— Кто вы? — спросила.

Эреборий молчал. Смотрел на жену. Временная линия Лины светилась тускло. Болезнь вернулась — месяц без процедур, чахотка снова грызла лёгкие. Ещё пару недель — умрёт.

— Лина, — сказал Эреборий. Голос изменился — глубже, резонирующий. — Это я.

— Кто «я»?

— Эраст.

Жена попятилась. Покачала головой.

— Нет. Эраст — человек. А ты...

— Превратился. — Эреборий шагнул внутрь. — В это. Ради тебя.

— Ради меня?!

— Да. Я нашёл способ. Теперь могу забирать время без ограничений. Могу сделать тебя бессмертной. Нас обоих. Мы будем вместе. Вечно.

Лина отступила к стене. Прижалась спиной, глядя на мужа с ужасом.

— Ты... ты окончательно сошёл с ума.

— Нет. Я понял. Понял, как устроен мир. Время — не закон. Это ресурс. Можно брать, можно отдавать. Я научился.

— Убивая!

— Да. — Эреборий не стал отрицать. — Убивая. Много. Буду убивать ещё. Но ты будешь жива. Здорова. Со мной.

Лина закрыла лицо руками. Плакала — беззвучно, всхлипывая.

— Уйди, — прошептала. — Прошу. Уйди.

— Не могу. Ты моя...

— Нет! — крикнула жена. — Не твоя! Никогда не была! Ты выдумал! Создал образ и влюбился в него! Но это не я!

Эреборий замер.

— Лина...

— Та женщина, которую ты любил, умерла год назад, — продолжала жена сквозь слёзы. — От чахотки. Как и должна была. А ты не дал. Вытащил обратно. Превратил в заложницу. В куклу, существующую на краденой жизни.

— Я спас...

— Ты убил! Меня и себя! И ещё десятки других!

Он сжал кулаки.

— Я люблю тебя.

— Это не любовь. — Лина подняла голову, посмотрела прямо. — Это одержимость. Болезнь. Ты болен, Эраст. И я не хочу быть твоим лекарством.

— Но ты умрёшь...

— Пусть. Лучше умереть человеком, чем жить монстром.

Тишина. Он стоял, глядя на жену. Внутри — пустота. Та самая, которая открылась год назад. Разрасталась, заполняла всё. Лина не хочет. Отказывается от спасения. От вечности. От него. Выбирает смерть. Развернулся. Пошёл к двери.

— Прощай, Лина.

— Прощай, Эраст.

Вышел. Закрыл дверь. Стоял на улице, под ночным небом. Временные линии города светились вокруг — тысячи жизней. Яркие, короткие, бессмысленные. Лина отказалась. Значит, всё зря. Год мучений, десятки убийств, превращение в чудовище — зря. Эреборий поднял голову. Посмотрел на город.

Если Лина не хочет спасения...

Если жизнь без неё пуста...

Зачем щадить остальных? Мысль пришла холодная, ясная. Все умрут. Так или иначе. Через годы, десятилетия. От болезни, старости, несчастного случая. Какая разница — умереть сегодня или через пятьдесят лет? Результат один. А их время... их годы, десятилетия... можно забрать. Собрать. Накопить.

Для чего?

Не знал пока. Но знал точно: если мир обречён на распад — пусть распадётся красиво. Под его контролем. В его руках. Часовщик, ставший Драконом, шагнул вперёд. Город спал, не подозревая. Завтра он проснётся в кошмаре. Или не проснётся вовсе. Эреборий улыбнулся — без радости, без злобы. Просто — принятие. Новая жизнь началась. Старая — закончилась. А между ними — пропасть, заполненная костями.

Рассвет застал его в центре города.

Площадь перед королевским дворцом. Пустая в этот час — торговцы ещё не пришли, стража дремала у ворот. Эреборий встал посередине. Закрыл глаза. Раскинул руки. И выпустил себя. Волна распада пошла кругами — невидимая, но смертоносная. Ускорение энтропии, втянутое из самого источника времени. Трава на площади пожелтела, высохла, рассыпалась в прах. Камни мостовой потрескались, покрылись мхом, начали крошиться. Деревья у края почернели, сбросили листву, превратились в гнилые остовы.

Стража у ворот вскрикнула.

Солдаты схватились за мечи — но руки уже дрожали. Кожа морщилась, седели волосы. Через десять секунд рухнули — старики, умершие от истощения. Волна шла дальше. Здания. Дома на краю площади. Штукатурка осыпалась, балки гнили, крыши проваливались. Люди внутри кричали. Выбегали на улицу — и старели на ходу. Молодые превращались в стариков, старики — в трупы.

Площадь превратилась в кладбище за минуту.

Он стоял в центре. Впитывал время — тысячи лет, текущие в него рекой. Сила росла. Переполняла. Требовала выхода. Он выпустил её снова — сильнее, шире. Волна накрыла квартал. Другой. Третий. Город умирал. Не от меча, не от огня. От времени. Самое неумолимое оружие. Эреборий шёл по мёртвым улицам. Вокруг — тишина. Ни криков, ни шагов. Только ветер, гоняющий прах.

Где-то вдали — временная линия Лины. Мерцала слабо. Она тоже в городе. Умрёт вместе с остальными.

Остановился, так как может дойти до неё. Спасти. Против воли. Залить временем, сделать бессмертной. Силой. Или оставить. Дать умереть. Как хотела.

Выбор.

Последний.

Эреборий стоял долго, и развернувшись, пошёл прочь, на север. От города. От Лины. От всего. Пусть умирает. Вместе с миром, который её породил. А он... он построит новый. Из костей старого. Дворец. Некрополь. Памятник распаду. И будет сидеть там, среди мёртвых, вечно живой.

Один.

Навсегда.

Через неделю от столицы Валтаира осталась выжженная пустошь. Ни травы, ни деревьев, ни людей. Только кости — белые, рассыпающиеся от прикосновения. Эреборий стоял на холме, глядя на дело рук своих.

Красиво.

По-своему.

Временная линия Лины погасла три дня назад. Вместе с остальными. Не чувствовал ничего. Пустота внутри не заполнилась, не опустела. Осталась прежней. Абсолютной. Часовщик, ставший Драконом, развернулся. Пошёл дальше.

Мир велик. Жизней много. Урожай только начался. А в конце, когда всё будет собрано... Может, найдёт покой. Или нет. Не важно. Время — теперь его слуга. Эреборий исчез в тумане, оставив за спиной мёртвую землю. Никто не мог остановить его, потому что против времени не воюют. Время побеждает всегда.

Глава 3: Кратер Вечного Молчания

Город начал умирать. Сначала центр, потом окраины, потом пригороды. Эреборий не спешил. Шёл медленно, методично, как часовщик разбирающий механизм — деталь за деталью. Каждое утро выходил на улицы. Выпускал ауру распада. Смотрел, как здания осыпаются, люди старятся, жизнь превращается в прах.

Не убивал специально. Просто шёл. Время вокруг него ускорялось само — естественный процесс, доведённый до предела. Он чувствовал жизненную энергию, которая наполняла его тело.

К седьмому дню от столицы Валтаира остались руины.

Обвалившиеся стены, провалившиеся крыши, улицы, заваленные костями. Ветер гонял пепел — всё, что осталось от ста тысяч жизней.

Тишина стояла абсолютная.

Эреборий стоял на башне королевского дворца — единственной уцелевшей постройки и смотрел на мёртвый город.

Временных линий не осталось ни одной. Всё погасло. Только он сам — вертикальная ось, пронзающая пространство. Неподвижная, вечная. Одинокая. Как знак бесконечности окружала тело.

Эреборий спрыгнул с башни. Приземлился мягко — тело выдержало удар, даже не почувствовал. Проходил через руины, на окраину.

К той лачуге, где последний раз видел Лину.

Путь занял час. Здания превратились в груды камней, улицы стёрлись. Ориентировался по памяти — там был перекрёсток, здесь таверна, дальше мост.

Всё исчезло. Но память держала маршрут чётко.

Лачуга нашлась быстро. Вернее, то, что от неё осталось. Стены обвалились, крыша провалилась внутрь. Дверь сгнила, висела на одной петле.

Эреборий толкнул — дверь рассыпалась в труху.

Внутри — полумрак. Пыль висела в воздухе густым облаком. Мебель развалилась — стол треснул пополам, стулья превратились в кучки щепок.

У окна, на полу, лежало тело. Он подошёл. Остановился рядом.

Лина.

Узнал по одежде — светлое платье, то самое, в котором видел неделю назад. Ткань истлела, прохудилась, но держалась.

Тело...

Эреборий присел и коснулся плеча жены.

Кожа твёрдая, холодная. Натянулась на костях, пожелтела. Мумифицированная. Волосы выпали, остались редкие седые пряди. Глаза провалились, рот раскрыт в беззвучном крике.

Смерть пришла быстро. Волна распада настигла за секунды. Лина даже встать не успела — так и села у окна, где шила.

В руках всё ещё зажата игла. Нить гнилая.

Эреборий смотрел на труп жены.

Ждал — придёт горе, ужас, отчаяние. Что-то должно прийти. Человеческие чувства, оставшиеся где-то внутри.

Не пришло ничего.

Пустота. Та самая, что открылась год назад. Разрослась, заполнила всё до краёв. Не осталось места для боли. Он поднял тело. Легко — весило меньше мешка инструментов. Мумия практически невесомая, высушенная до костей и кожи. Прижал к груди. Медальон на его груди пульсировал — слабо, равномерно. Чужое сердце, вросшее в плоть.

— Прости, — сказал мёртвой жене. — Не уберёг.

Голос эхом отразился от стен, затих.

Эреборий вышел из лачуги. Пошёл через руины города, на север. Нёс Лину на руках. Осторожно, будто живую. Будто она спала, а не умерла неделю назад от его же руки.

Путь до гор занял три дня. Шёл не останавливаясь. Не ел, не спал — не требовалось. Тело работало на краденом времени, неисчерпаемом источнике. Лину нёс всю дорогу. Ни разу не опустил, не переложил. Держал на руках, как невесту на пороге дома. По пути встречались деревни.

Небольшие, по десять-пятнадцать домов. Люди выходили, смотрели на странного путника — высокого, в чёрном плаще, с мумией на руках.

Пытались остановить, спросить. Эреборий не отвечал. Проходил мимо.

Аура распада тянулась за ним шлейфом. Не сильная — контролировал. Но достаточная, чтобы трава под ногами желтела, деревья теряли листву, животные шарахались в сторону. Люди чувствовали инстинктом — опасность. Не подходили близко. Смотрели издали, крестились, шептали молитвы.

Один священник попытался преградить путь.

Старик, седобородый, в выцветшей рясе. Встал посреди дороги, поднял деревянный крест.

— Именем Господа, остановись! — крикнул дребезжащим голосом. — Нечисть не пройдёт!

Эреборий остановился. Посмотрел на священника.

Временная линия старика мерцала тускло — лет десять осталось, не больше. Изношенная, истрёпанная.

— Уйди, — сказал Эреборий тихо.

— Не уйду! Ты — отродье тьмы! Вижу смерть в твоих глазах!

— Правильно видишь. Уйди, пока жив.

Священник не двинулся. Поднял крест выше.

— Господь защитит праведных!

Эреборий вздохнул. Сделал шаг вперёд.

Аура распада вспыхнула — короткий выброс, контролируемый.

Священник вскрикнул. Крест в руках рассохся, рассыпался щепками. Кожа на ладонях сморщилась, побелела. Старик попятился, споткнулся, упал. Эреборий не убил. Оставил лежать — пусть живёт оставшиеся годы.

Деревня осталась позади. Дорога вела в горы. Горы встретили туманом. Густой, плотный, скрывающий склоны. Тропа терялась в белесой мгле, будто обрывалась в никуда.

Эреборий шёл не сбиваясь. Знал путь — тридцать семь лет назад поднимался здесь с отцом. Охотились на горных козлов, ночевали в семейном домике на склоне. Домик стоял заброшенный двадцать лет. Отец умер, мать следом. Наследство осталось Эрасту, но часовщик ни разу не приезжал. Зачем? Город давал всё необходимое — работу, жизнь, Лину.

Теперь город мёртв.

Лина мертва.

Остался домик в горах. Последнее пристанище.

Эреборий поднимался три часа. Туман сгущался, видимость падала до нескольких шагов. Тропа петляла меж скал.

Наконец деревья расступились.

Поляна. Ровная, метров тридцать в поперечнике. По краю — кольцо берёз, побелевших от времени. В центре — домик. Бревенчатый, одноэтажный. Крыша покосилась, ставни отвалились. Дверь приоткрыта, скрипит на ветру.

Он подошёл. Толкнул дверь.

Внутри — полумрак. Пахло сыростью, прелой древесиной. Мебель сохранилась — стол, две лавки, очаг из камня. Всё покрыто пылью, паутиной. Никто не заходил двадцать лет. Он положил тело Лины на стол. Осторожно, выпрямил руки, ноги. Поправил истлевшее платье. Мумия лежала неподвижно. Лицо — маска смерти. Провалившиеся глаза, оскаленные зубы. Ничего от той Лины, которую любил.

Он смотрел долго. Потом вышел. Обошёл домик кругом. Сзади, у стены, валялись инструменты — заржавевшие, изъеденные временем. Лопата, топор, пила. Отец оставил, собираясь вернуться. Не вернулся — смерть пришла раньше. Взял лопату и пошёл к краю поляны, где росла одинокая сосна.

Начал копать.

Земля поддавалась тяжело — корни, камни, слежавшийся грунт. Лопата вгрызалась медленно. Но Эреборий не уставал. К вечеру яма была готова. Глубокая, ровная. Два метра в длину, метр в ширину, метр в глубину. Вернувшись в дом, поднял тело Лины. Вынес к яме. Опустил на дно. Выпрямил, уложил руки на груди. Мумия лежала как статуя. Неподвижная, мёртвая. Стоял на краю, глядя вниз.

Похоронить? Засыпать землёй, забыть?

Нет.

Не может. Не хочет.

Если Лина мертва — пусть останется рядом. Сохранённая. Неприкосновенная. Вечная.

Он присел. Положил ладонь на край ямы. Закрыв глаза. Сфокусировался. Временная энергия потекла из него в землю. Не разрушая — застывая. Останавливая. Грунт на дне ямы темнел, твердел. Мелкие камни сплавлялись в единый пласт. Корни растений каменели, превращаясь в жёсткие нити.

Тело Лины окутывалось невидимым коконом. Временной стазис — абсолютная остановка. Ничего не изменится — ни разложения, ни тления. Мумия останется такой навеки.

Яма светилась слабо — едва заметное мерцание. Временная энергия пульсировала, держала стазис.

Эреборий встал. Взял доски — валялись у домика, остатки старого забора. Уложил поверх ямы, сколотил крышку. Не гроб. Футляр. Хранилище для самого ценного. Засыпал сверху землёй. Не всю — оставил слой сантиметров двадцать. Сверху — плоский камень. Нашёл у склона. Тяжёлый, гранитный, размером с надгробие. Положил точно над ямой. Могила не было. Была печать. Он сел рядом, спиной к камню.

Лина под землёй. В стазисе. Мёртвая, но сохранённая. Навсегда.

Что дальше?

Сидеть здесь? Охранять могилу-не-могилу?

Или...

Мысль пришла медленно, оформляясь постепенно. Лина мертва. Но временем можно манипулировать. Можно забирать. Можно отдавать.

Можно ли — вернуть?

Не просто оживить тело. Вернуть человека. Личность. Душу. Эреборий не знал. Никогда не пробовал. Эксперименты в мастерской касались только жизни — продления, переноса. Не воскрешения.

Но что если?

Что если собрать достаточно времени? Не месяцы, не годы — века. Тысячелетия. Что если создать механизм? Не грубый, как раньше — утончённый, совершенный. Что если влить в мёртвое тело столько жизни, что она вернётся против воли?

Безумие.

Но год назад безумием казалось всё, что Эраст уже сделал. А теперь стал Эреборием. Драконом времени. Пожирателем жизней. Для него нет невозможного. Только недостаток ресурсов.

Встал. Обошёл камень кругом, осматривая.

Печать держится. Стазис стабилен. Лина сохранена. Время её не тронет. А значит, можно работать. Годами, десятилетиями, веками — не важно. Он бессмертен. Спешить некуда. Соберёт достаточно времени. Создаст механизм. Вернёт жену. Против её воли. Против законов природы. Против смерти.

План созрел. Эреборий вернулся в домик.

Ночь провёл за работой. Очистил стол от пыли. Принёс из леса ветки, разжёл очаг. Свет заплескал по стенам, прогоняя сумрак. Достал из кармана огрызок карандаша — остался с прошлой жизни. Нашёл старый лист бумаги — пожелтевший, но целый.

Начал чертить.

Схема. Устройство. Механизм воскрешения. Что нужно?

Первое: источник энергии. Временная энергия — много, очень много. Тысячи жизней, собранные воедино.

Второе: проводник. Металл вне времени — того самого, метеоритного. Осталось только в медальоне, вросшем в грудь. Мало. Нужно больше.

Третье: резервуар. Не просто тело — система. Поддерживающая жизнь искусственно, пока мёртвая плоть не начнёт функционировать сама.

Четвёртое: катализатор. Что-то, что запустит процесс. Толчок, импульс.

Эреборий рисовал, зачёркивал, рисовал заново. К рассвету лист был исписан схемами. Сложно. Очень сложно. Но выполнимо. Но получится? Нужно время. Много времени. И ресурсы.

Он поднялся. Вышел из домика.

Рассвет окрашивал горы в розовато-золотистые тона. Туман рассеивался, открывая склоны.

Смотрел, не чувствуя красоты. Видел только структуру — камни, деревья, временные линии немногих животных. Ресурсы. Всё — ресурс. Для достижения цели. Эреборий развернулся. Пошёл вниз по тропе, к подножию.

Там деревни. Люди. Жизни, которые можно забрать. Работа началась.

Первую деревню нашёл к полудню.

Маленькая, домов двадцать. Дровосеки в основном — заготавливали лес, сплавляли по реке. Он вошёл с северного края. Шёл медленно, по центральной улице. Люди выходили, смотрели. Мужчины хватались за топоры, женщины прятали детей.

Инстинкт кричал — опасность.

Эреборий остановился в центре деревни. Закрыв глаза. Выпустил ауру. Волна распада пошла кругами. Трава пожелтела, высохла. Деревянные дома потемнели, брёвна потрескались. Люди закричали — старели на глазах.

Мужчина с топором рухнул первым. Крепкий дровосек лет тридцати — через десять секунд седой старик. Через двадцать — труп. Остальные пытались бежать. Не успели. Волна настигала, высасывала годы. Деревня умерла за три минуты. Эреборий стоял неподвижно. Впитывал время — сотни лет, текущие рекой.

Недостаточно. Нужно больше. Собрался и пошёл дальше, к следующей деревне.

За неделю опустошил пять деревень. Методично, без спешки. Заходил, выпускал ауру, забирал время. Трупы оставлял на месте — не хоронил, не сжигал. Пусть лежат. Временная энергия накапливалась внутри. Медальон на груди пульсировал ярче, вмещающая украденные жизни. Но всё равно мало. Тысяча человек — примерно тридцать тысяч лет жизни. Звучит много. Но для воскрешения...

Прикидывал. Вернуть Лину — не просто оживить тело. Нужно восстановить личность, память, сознание. Это требует колоссальных затрат. Тридцать тысяч не хватит. Нужно больше. Намного больше. Пошёл дальше, в долину. Там городки покрупнее.

Городок Серый Камень встретил рыночным днём.

Площадь забита народом — торговцы, покупатели, зеваки. Человек пятьсот, может, больше. Эреборий вошёл с восточных ворот. Стража попыталась остановить — двое солдат в кольчугах, с алебардами.

— Стой! Кто таков? Назови имя!

Эреборий посмотрел на них. Временные линии солдат светились ярко — молодые, здоровые. Лет по двадцать пять.

— Уйдите, — сказал тихо.

— Что?

— С дороги. Пока живы.

Солдаты переглянулись. Один усмехнулся.

— Слышь, парень, ты того... башкой не тронулся? Угрожаешь страже?

Эреборий не ответил. Шагнул вперёд. Аура вспыхнула — короткий выброс. Алебарды в руках солдат разошлись, древки треснули. Кольчуга заржавела, кольца посыпались. Кожа на лицах сморщилась. Солдаты рухнули — мумии в гнилых доспехах.

На площади начался переполох. Люди кричали, толпились, пытались понять — что происходит.

Раскинув руки, выпустил ауру на полную.

Волна накрыла площадь разом.

Торговые палатки рухнули, ткань истлела. Товары превратились в труху — хлеб заплесневел, мясо сгнило, металл заржавел. Люди старели гурьбой. Кричали, падали, умирали пачками. Площадь превратилась в кладбище за минуту. Эреборий стоял неподвижно. Время текло в него — тысячи лет, сливающиеся в единый поток. Больше. Ещё больше. Но всё равно недостаточно.

Городок опустел. Эреборий пошёл дальше.

Месяц прошёл в охоте. Опустошил полдюжины городков, два десятка деревень. Тысячи людей умерли, отдав свои годы. Временная энергия внутри накапливалась. Медальон светился уже не слабо — ярко, пульсируя в такт сердцебиению.

Сто тысяч лет. Может, больше.

Много. Но хватит ли? Он не знал. Никто не знал — воскрешение никогда не практиковалось. Теория оставалась теорией.

Нужно пробовать. Но сначала — механизм. Устройство, которое направит энергию правильно.

Месяцы прошли в работе.

Эреборий строил. Не дворец. Сначала — мастерскую. Место, где можно творить.

Очистил домик изнутри. Вынес гнилую мебель, выскреб плесень со стен. Укрепил крышу, заделал щели в брёвнах.

Принёс инструменты — нашёл в заброшенной кузнице в одном из опустошённых городков. Молот, наковальня, тиски, напильники. Всё ржавое, изношенное. Привёл в порядок — временем. Не разрушал, восстанавливал. Отматывал назад, к моменту, когда металл был новым. Поучилось. Временем можно не только убивать. Можно — чинить.

Открытие обнадёжило.

Значит, Лину тоже можно... не убить обратно. Восстановить. До момента до смерти.

Работал с утра, до ночи, ковал детали для механизма. Сложные, утончённые. Шестерни размером с ладонь, оси тоньше пальца, пружины из закалённой стали.

Какой механизм? Он не знал точно. Импровизировал. Создавал по наитию — часовщик, вспомнивший ремесло. Механизм должен делать одно: поддерживать жизнь в мёртвом теле. Искусственно. Пока тело не восстановится само. Как? Циркуляция временной энергии. Постоянная, равномерная. Через проводники — металл вне времени. В резервуар — тело. Он чертил схемы, строил модели. Маленькие, из дерева и металла. Проверял на животных — мёртвых, найденных в лесу. Первые попытки провалились. Механизм ломался, энергия рассеивалась. Тела оставались мёртвыми. Но не сдавался. Переделывал, улучшал.

Десятая попытка. Двадцатая. Тридцатая.

Наконец — успех.

Мёртвая лиса, найденная у тропы. Неделью как умерла — тело окоченело, глаза помутнели. Подключил механизм. Маленький, размером с шкатулку. Шестерни закрутились, энергия потекла.

Лиса дёрнулась. Грудь поднялась — вдох. Опустилась — выдох. Не живая. Но дышащая. Механизм работал. Когда выключил, лиса затихла обратно. Доказательство получено. Мёртвое можно заставить функционировать, но временно. Для полного восстановления нужен механизм крупнее, мощнее. И намного больше энергии.

Год прошёл.

Строил мастерскую, совершенствовал механизм, охотился за временем. Опустошил три провинции. Десятки тысяч людей умерли. Их годы — сотни тысяч лет — стекались в медальон на груди Эребория.

Достаточно.

Хватит для попытки. Механизм готов. Большой, размером с человеческое тело. Сложный — сотни деталей, переплетённых в единую систему. Корпус из дерева и металла. Внутри — шестерни, оси, пружины. Проводники из метеоритного металла — Эреборий находил осколки в старых кратерах, по всему королевству. Собирал по крупицам.

В центре механизма — ложе. Для тела.

Завтра начнёт. Выкопает Лину. Поместит в механизм. Запустит. И узнает — работает ли воскрешение.

Гранитный камень лежал на месте. Земля вокруг не тронута — год прошёл, а печать держалась идеально.

Он присел. Положил ладонь на камень.

Сфокусировался. Временной стазис ослабел, распался. Печать снята. Отодвинул камень — легко, одной рукой. Убрал доски. Земля под ними твёрдая, спрессованная. Копать не стал. Коснулся ладонью грунта — отмотал время назад. Земля размягчилась, рассыпалась. Под ней — тело. Лина. Мумия. Такая же, как год назад — не тронутая тлением. Стазис сработал.

Эреборий опустился в яму. Поднял тело — осторожно, бережно. Лёгкое. Высушенное. Мёртвое. Пока мёртвое.

Вынес из ямы. Понёс в домик.

Мастерская встретила тишиной. Механизм стоял в центре, готовый к работе. Положил Лину в ложе. Выпрямил руки, ноги. Поправил истлевшее платье. Мумия лежала неподвижно. Год в земле не изменил ничего. Стазис держал идеально. Эреборий обошёл механизм кругом, проверяя.

Шестерни на местах. Оси смазаны. Пружины натянуты. Проводники из метеоритного металла — тонкие нити, протянутые от краёв корпуса к ложу — закреплены намертво.

Всё готово. Встал у изголовья. Положил ладони на края ложа. Закрыл глаза. Сфокусировался на медальоне в груди. На временной энергии, накопленной внутри. Сотни тысяч лет. Украденные жизни, сжатые в один узел.

Он начал выпускать энергию. Медленно, контролируемо. Поток потёк из медальона вниз, по рукам, в механизм. Шестерни дрогнули. Начали вращаться — медленно, со скрипом. Наби-

рали обороты. Проводники засветились. Слабо, едва заметно. Временная энергия текла по ним, как электричество по проводам.

Ложе под телом Лины начало пульсировать. Не физически — на другом уровне. Временные волны, исходящие из механизма, омывали мумию. Эреборий усилил поток.

Шестерни крутились быстрее. Проводники светились ярче. Энергия заливала тело — густо, плотно. Кожа Лины дрогнула. Натянулась чуть сильнее на костях. Цвет изменился — из желтовато-серого стал бледно-бежевым.

Работает.

Эреборий не останавливался. Гнал поток дальше, сильнее. Временная энергия заполняла мёртвую плоть. Клетки, давно умершие, начали... не оживать. Функционировать. Механически, искусственно. Процесс шёл медленно. Час прошёл. Два. Кожа Лины постепенно разглаживалась. Морщины уходили, западины заполнялись. Щёки обретали объём. Губы — не такие иссохшие. Три часа. Четыре. Грудь дрогнула. Поднялась — едва заметно. Опустилась.

Вдох.

Замер. Снова. Грудь поднялась, опустилась.

Дыхание.

Мёртвое тело дышало.

Он не ослабил поток. Продолжал заливать энергией. Пять часов. Шесть. Лицо Лины менялось. Провалившиеся глаза наполнялись — не открывались, но глазные яблоки восстанавливались под веками. Волосы на голове темнели — из седых становились русыми, пряди густели. Семь часов. Восемь. Тело обретало жизненность. Кожа — не мумифицированная, почти нормальная. Бледная, но не мёртвая. Руки — не кости в коже, а настоящие руки. Худые, изможденные, но человеческие. Девять часов. Эреборий ослабил поток. Механизм замедлился, шестерни перестали скрежетать. Проводники потускнели.

Открыл глаза.

Лина лежала в ложе. Дышала — ровно, ритмично. Грудь поднималась и опускалась.

Живая?

Нет.

Эреборий видел временную линию жены. Существовала — но странная. Неестественная, текущая сама. Искусственная, поддерживаемая механизмом. Стоит выключить — линия оборвётся. Тело умрёт снова. Механизм работал. Но не полностью. Поддерживал функции — дыхание, кровообращение (если кровь ещё осталась в жилах). Но не возвращал сознание. Не восстанавливал личность. Лина дышала, но не жила. Кукла, управляемая шестернями. Эреборий стиснул зубы. Недостаточно. Нужно больше энергии. Намного больше. Или другой подход. Часовщик выключил механизм. Шестерни затихли. Проводники погасли. Дыхание Лины прекратилось. Тело замерло обратно.

Эреборий смотрел на жену.

Год работы. Сотни тысяч убитых. И результат — дышащий труп.

Провал?

Доказано: мёртвое можно заставить функционировать. Временная энергия восстанавливает плоть. Но не душу. Душа — нечто иное. Не физическое. Не поддается механике. Как вернуть её? Не знал. Но знал точно: сдаваться не будет. Год — ничто. Есть десятилетия, века. Вечность. Найдёт способ. Обязательно найдёт. Вынул тело Лины из механизма. Понёс обратно к печати. Опустил в яму. Уложил, как прежде. Закрыв досками, засыпал землёй. Вернул камень на место. Восстановил стазис. Пусть ждёт. До следующей попытки. Посмотрел на запечатанную могилу.

— Подожди, — сказал тихо. — Ещё немного. Я верну тебя.

Ветер донёс эхо слов, рассеял в горах.

Пошёл обратно в домик.

Работа продолжается. Следующие месяцы прошли в исследованиях. Эреборий изучал временные линии живых существ. Не поверхностно, как раньше — глубоко, до мельчайших деталей. Ловил зверей в лесу. Приносил в мастерскую. Усыплял (забирая малую часть времени — достаточно, чтобы обездвижить). Исследовал. Временная линия — не просто нить. Структура сложная, многослойная. Внешний слой — физическое тело. Клетки, органы, системы. Светится ярко, легко различим. Средний слой — жизненные функции. Дыхание, сердцебиение, метаболизм. Пульсирует в такт организму. Внутренний слой — сознание. Мысли, память, личность.

Тонкий, почти прозрачный. Различить трудно — нужна полная концентрация. Но существует. Он научился видеть все три слоя разом. У живого зверя все три светились, работали синхронно. У мёртвого — внешний и средний гасли сразу. Внутренний держался секунды, потом рассеивался. Куда уходил? Никто не знал. Возможно, в никуда. Возможно, в какое-то иное место, недоступное восприятию.

Но факт: после смерти сознание исчезало. Безвозвратно.

Механизм восстанавливал внешний и средний слои. Тело функционировало. Но внутренний — сознание — не возвращался. Как вернуть? Пытался заливать энергию направленно — не в тело, в область, где должно быть сознание. Не работало. Энергия рассеивалась, не находя точки приложения. Пытался создавать резонанс — настраивать механизм так, чтобы вибрации совпадали с частотой сознания. Не работало. Резонанс не возникал. Пытался переносить сознание от живого к мёртвому — как раньше переносил время. Не работало. Сознание не переносилось — либо рассеивалось, либо убивало донора без результата.

Месяцы проб и ошибок.

Результат — ноль.

Он не отчаивался. Методично проверял гипотезы одну за другой. Рано или поздно найдётся решение. Всегда находится — если искать достаточно долго.

Прорыв случился случайно.

Эреборий охотился в лесу — нужен был свежий материал для экспериментов. Выследил оленя, усыпил, тащил к домику. По пути наткнулся на медведицу с медвежатами. Медведица атаковала — защищала детёнышей. Огромная, разъярённая. Он не испугался. Выпустил ауру — короткий выброс. Медведица состарилась мгновенно. Рухнула мёртвой. Медвежата заверещали. Ткнулись мордами в труп матери, не понимая.

Посмотрел на медвежат. Потом на мёртвую медведицу. Временные линии проступили чётко. Медведица — погасшая, мёртвая. Три слоя исчезли. Медвежата — яркие, живые. Все три слоя светились.

Но...

Внутренний слой медвежат — сознание — мерцал странно. Загадочными импульсами. Сознание медвежат пульсировало в такт. Синхронно друг с другом.

И...

Слабый отголосок в воздухе. Там, где секунду назад умерла медведица, сознание матери не рассеялось полностью. Часть осталась — крохотная, почти неразличимая. Связанная с медвежатами.

Связь. Вот оно.

Сознание не существует изолированно. Связано с другими сознаниями — родственными, близкими. Умирая, оставляет отголоски в тех, кто связан. Мать и дети. Муж и жена. Любые близкие связи.

Если так... Он развернулся. Побежал к домику, бросив оленя. Ворвался в мастерскую. Схватил лист бумаги, карандаш. Чертил лихорадочно. Новая схема. Новый подход. Не восстанавливать сознание из ничего. Восстанавливать через связь. Лина мертва. Её сознание рассея-

лось. Но Эраст жив. Точнее, Эреборий — то, что от него осталось. Между ними существовала связь. Тридцать два года брака. Сильнейшая, глубочайшая.

Если использовать эту связь... Если направить временную энергию не просто в тело Лины, а через связь, от себя к ней... Может сработать. Дочертил схему. Риск колоссальный. Связь двусторонняя. Направляя энергию через себя, можно потерять собственное сознание. Слиться с Линой, раствориться. Или разрушить обоих. Но другого способа нет. Он сжал лист в кулаке.

Решение принято.

Попытается. Завтра.

Сегодня — последние приготовления. Камень отодвинут, земля убрана. Тело Лины извлечено, лежит на траве. Эреборий стоял рядом. Смотрел на мумию жены. Последний шанс. Либо вернёт, либо потеряет окончательно. Может, потеряет и себя. Не важно. Он поднял тело. Понёс в домик. Мастерская готова. Механизм модифицирован — добавлены новые проводники, перестроены шестерни. Теперь работает иначе: энергия идёт не напрямую из медальона в тело, а через оператора. Через себя. Он сам станет проводником.

Положил Лину в ложе. Выпрямил, поправил. Сам встал рядом. Положил ладони на грудь жены — туда, где когда-то билось сердце. Закрыв глаза. Глубокий вдох. Сфокусировался. Временная энергия в медальоне забурлила. Эреборий начал выпускать её — не наружу, через себя. Поток потёк вверх, в грудь, в руки. Горячий, обжигающий. Направил в тело Лины. Механизм ожил. Шестерни закрутились, проводники засветились. Но теперь — иначе. Энергия шла не просто в плоть. Шла через связь между ними, чувствовал её — тонкую нить, протянутую между ним и Линой. Призрачную, почти несуществующую. Но реальную. Тридцать два года любви, сплетённые в один канат.

Он лил энергию по этой нити. Не в тело — в сознание. В ту пустоту, где раньше была личность жены. Поток усилился. Эреборий содрогнулся. Боль ударила в висках, в груди. Медальон раскалится, прожигая рёбра. Игнорировал. Продолжал. Энергия текла рекой. Тысячи лет, выливающиеся за секунды. Тело Лины дрогнуло. Кожа разгладилась полностью. Лицо обрело черты — не мумия, настоящее лицо. Бледное, изможденное, но живое. Волосы потемнели, отросли. Русые, как прежде. Грудь поднялась — вдох. Опустилась — выдох. Дыхание. Ровное, естественное. Не останавливался. Лил дальше. Боль нарастала. Голова раскалывалась. Перед глазами — даже закрытыми — плясали чёрные пятна. Связь натягивалась. Трещала по краям.

Чувствовал: ещё чуть-чуть, и порвётся. Утащит его за собой, в пустоту.

Плевать.

Последнее усилие. Весь остаток энергии — разом. Поток хлынул лавиной. Связь вспыхнула. Ослепительно, нестерпимо. Эреборий закричал. Боль пронзила насквозь. Медальон прожёл грудь до кости. Сознание начало рваться, разваливаться на части.

Секунда. Две. Три.

Вспышка.

Тишина.

Он открыл глаза. Лежал на полу. Не помнил, как упал. Голова гудела. Всё тело — сплошная боль. Медальон на груди дымился, остыл едва. Эреборий поднялся на локти. Посмотрел на механизм. Шестерни остановились. Проводники погасли. В ложе — тело Лины. Дышало. Не механически, как в прошлый раз. Естественно. Грудь поднималась и опускалась ровно. Поднялся на колени. Посмотрел на лицо жены. Живое. Не мёртвое. Кожа тёплая — прикоснулся, проверил. Губы розоватые. Веки дрогнули. Временная линия Лины светилась. Все три слоя. Тело, функции, сознание.

Сработало. Не мог поверить этому.

Веки Лины дрогнули снова. Приоткрылись — едва заметно. Глаза. Живые. Мутные, невидящие, но живые. Губы шевельнулись.

— ...Эр...аст... — прошептала Лина.

Голос хриплый, сорванный. Но голос. Настоящий. Лина жива. Вернулась. Он воскресил её. Чувств не было. Ни радости, ни облегчения. Пустота внутри осталась прежней. Но факт: Лина жива. Цель достигнута. Эреборий наклонился. Коснулся лба жены губами.

— Спи, — прошептал. — Восстанавливайся.

Лина закрыла глаза. Дыхание замедлилось, выровнялось. Уснула. По-настоящему. Эреборий выпрямился. Отошёл к стене, прислонился спиной. Сполз на пол. Смотрел на жену, дышащую в механизме. Год работы. Сотни тысяч убитых. Боль, риск, почти-смерть. Результат — перед глазами. Лина жива. Воскрешение удалось.

Устал. Невыносимо устал. Впервые за год — устал. Но не мог отдыхать. Ещё нет. Лина вернулась, но слабая. Нужен уход, восстановление. Он заставил себя встать. Работа продолжается. Но главное сделано. Жена вернулась. Мёртвые воскрешаются. Смерть побеждена. Временно. Пока. Но побеждена. Часовщик научился чинить не только механизмы. Теперь чинит жизни. Не важно по какой цене. Цена — чужая кровь. А чужая кровь не в счёт.

Глава 4: Остановившиеся часы

Эреборий сидел рядом, на табурете у ложа. Не спал, так как ему больше не нужен сон. Просто сидел, наблюдая за дыханием жены. Ровное. Стабильное. Механизм отключён двое суток назад, но тело продолжало функционировать само. Воскрешение закрепилось. Веки Лины дрогнули. Приоткрылись медленно, с усилием. Глаза мутные, невидящие. Зрачки сузились от света свечей, расширились обратно. Несколько секунд Лина смотрела в потолок. Не моргая, не двигаясь. Потом повернула голову — медленно, будто шея заржавела. Увидела Эребория. Не узнала. Смотрела долго, изучающе. Пыталась сфокусировать взгляд.

— Кто... — голос хриплый, беззвучный. Пришлось повторить. — Кто ты?

Он не ответил сразу. С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.